

А. Н. НАДУМОВИЧ,
Л. М. НАДУМОВИЧ

ТРАДИЦИОННАЯ КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В настоящее время заметно повысился интерес к восточному миру, и в особенности к китайской культуре. Важным условием успешного общения с представителями одной из самых древних и культурно богатых цивилизаций является знакомство с мировоззрением китайцев.

У китайцев свои особенности космоонтологических представлений, а говоря о мировом устройстве, они отмечают в нем свое центральное место. Китайцы – народ земледельческий, а не кочевой. Это немаловажно, так как у земледельческих народов нелинейное представление о мире. На основе анализа древних литературных памятников («Книги песен», «Исторических записок» Сыма Цяня, «Книги перемен») исследователями китаеведения был сделан вывод о том, что в то время в центре ойкумены (круг, в центре которого помещен народ) находился верховный владыка (Шаньди) [1, с. 370].

В эпоху Чжоу (с XI в. до н. э.) верховный владыка уже отождествлялся с Небом (Тянь). Это понятие довольно абстрактное, но весьма развитое впоследствии в китайской философии, в частности у «классиков» даосизма Лаоцзы и Чжуанцзы. Император является сыном неба, его заместителем. Такое представление связи императора и неба имело воплощение в традиционной идеологической направленности, неотъемлемой частью которой являлось конфуцианство [там же]. В философской литературе мировоззрение определяется как способ освоения реальности, который включает ценности, знания и эмоционально-чувственные компоненты, а также духовную и практическую стороны. В восточной культуре преобладают отношения равноправия. Это значит, что во Вселенной Дао все уравновешено и объединено в единое целое.

Хорошо известный принцип *увэй* (принцип невмешательства), который часто смешивают с исключительной пассивностью, означает лишь невмешательство и мудрое сосуществование с природой и окружающим миром. Этот принцип означает такое поведение человека, которое не нарушало бы мировой порядок вещей. Универсум как живой организм в состоянии сам следовать своим правильным путем. Зачастую практическое воплощение такого отношения к природе гораздо сложнее осуществить, чем целенаправленную, преобразовательную деятельность западного человека [1, с. 372].

Русские гораздо хуже представляют себе Китай, чем китайцы – Россию. Когда мы едем в Пекин, мы не должны ожидать увидеть времена Конфуция или Лаоцзы. Это все равно, что ехать в Нью-Йорк, ожидая увидеть там девственные леса времен первых встреч поселенцев из Старого Света с индейцами, или ехать в Токио, надеясь увидеть там вместо небоскребов столицу древних японских императоров.

Гонконг, Пекин, Шанхай – все это колоссальные мегаполисы западного типа, с высотками, автомагистралями и многоуровневыми развязками. Это отражает тот факт, что современный китаец – достаточно «западненный» человек и к тому же, должен особо подчеркнуть, человек, который в значи-

тельной мере лишен своей традиционной культуры. Поскольку в Китае был не просто коммунизм, а очень жесткий тоталитарный период, с «культурной революцией»¹, насильственной секуляризацией, и после этого – период экономических реформ Дэн Сяопина. И если в советский период нас с жителями КНР сближала государственная идеология, то новое время сблизило нас другим способом: через глобализацию и мир, более или менее стремящийся к единому знаменателю ценностей. Хотя, конечно, глобализация несет и негативный свет, стирая различия, уничтожая самобытность.

Сегодня Китай перестал считать себя центром мира (о чем некогда говорила классическая китайская модель мира и от чего страна была в свое время изолирована и самодостаточна). Несмотря на то, что страна в праве называться великой державой, страной с огромным потенциалом, но Китай стал сейчас на более реалистичную позицию, чем ранее: перестал быть сторонником самоизоляции. Дети китайской политической элиты учатся в Америке или в Швейцарии, Британии. Китайцы более трезво и реалистично смотрят на другие страны и народы.

На современном этапе китайская народность находится в стадии серьезной трансформации: настолько стремительно меняется социальный, имущественный уклад, политическая жизнь, что она чувствует себя неустойчиво. Люди ищут опору.

Поскольку в свое время был нанесен сильный удар по традиционному китайскому мировоззрению, в духовном плане эта обращенность к внешнему, иностранному выражается в интересе к христианству. Многие считают, что как раз оно может восполнить какую-то неполноту или несамодостаточность современного китайского общества.

Опросы, проведенные в начале 70-х годов XX века, когда в Китае провалилась политика государственного атеизма, показали: 92 – 93 % населения так или иначе регулярно участвовали в религиозных обрядах. Религиозное сознание в народе живо, хотя чаще всего носит синкретический, языческий характер (синкретизм – переплетение нескольких политеистических религий). Несмотря на это, официальная власть не поощряет религиозность: в 80-е годы в уставе коммунистической партии КНР появилась норма, согласно которой член партии не может быть верующим.

В Китае никогда не было единой доминирующей религии, но существовали основные, наиболее четко сформулированные религии, которые приве-

¹ «Культурной революцией» называют репрессии в Китае с 1956 по 1976 год, начавшиеся под лозунгом защиты Мао Цзэдуна и его политики от внутренней и внешней (СССР времен развенчания «культ личности») оппозиции. В основе лежала идея уничтожения традиционных ценностей – культуры, любой религии – и тех, кто их поддерживает. Форпостом движения стала беднота и так называемые хунвейбины (отряды школьников и студентов); главной мишенью – интеллигенция. Хунвейбины отличались крайней жесткостью и стихийностью действий (уничтожали храмы, монастыри, разрушили часть «бесполезной» Китайской стены, чтобы из кирпичей построить свинарники и т. д.). В конце 1960-х «авангард» вышел из-под контроля властей, что привело к репрессиям уже в отношении хунвейбинов. «Культурная революция», по мнению историков, стала национальной катастрофой, отбросившей Китай в развитии на десятилетия назад [2, с. 26].

ли к возникновению культуры. До сих пор присутствует поклонение духам предков. Сейчас в Китае быстрее всего растет численность христиан: ежегодный прирост 5 – 7 % по всем конфессиям. Православных в стране, по самым оптимистическим оценкам, – 10 тысяч, в то время как численность католиков и протестантов – 80 миллионов. В Китае религиозная деятельность должна быть одобрена, разрешена и совершаться в специально отведенных для этого местах. Главный принцип: недопустимость подчинения или управления ею из зарубежных центров. Около 70 % китайских христиан принадлежат к неофициальным общинам. Причина в том, что за получением официального статуса следует контроль и идеологическая нагрузка. Неофициальные религиозные организации – это миллионы людей, которые собираются небольшими группами, по 15 – 30 человек, по квартирам, и это существует повсеместно, в деревнях и городах. Поэтому контролировать их деятельность власти практически не способны, хотя такие попытки и предпринимаются. Государство опасается резких действий в отношении верующих, боясь вызвать социальное напряжение. Пока численность отдельных христианских общин не выходит за определенные рамки, власти попускают их существование. Однако если община разрастется до 1000 тысячи и более человек, или если у нее появятся активные связи с зарубежными религиозными центрами – будут приниматься меры. Такая строгость связана с тем, что китайские власти рассматривают любую религиозную деятельность в политическом контексте [2, с. 25].

Таким образом, если в советский период нас с жителями КНР сближала государственная идеология, то новое время сблизило нас другим способом: через глобализацию и мир, более или менее стремящийся к единому знаменателю ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Букатая А. М.* Формирование самосознания китайцев / А. М. Букатая // Китай в современном мире : материалы 3-й Междунар. конф. (21 – 23 окт. 2010 г.). – Минск : БГУ, 2011. – С. 369–376.
2. *Поздяев, Д.* На стыке язычества, глобализации и духовной жажды / Д. Поздяев // Фома : православный журнал. – 2013. – № 3. – С. 18–27.